

**ПАРФИЯ И РИМ В 44–40 ГГ. ДО Н.Э.: ОТ ОГРАНИЧЕННОГО
ВМЕШАТЕЛЬСТВА К МАССИРОВАННОМУ ВТОРЖЕНИЮ**

Проблема отношений с Парфией, остававшаяся достаточно болезненной на протяжении всего десятилетия, последовавшего за битвой при Каррах, особенно обострилась в последние месяцы жизни Цезаря. Если в начале гражданской войны Луцилий Гирр, посланный Помпеем к парфянскому царю Ороду II за помощью, не просто встретил холодный прием, но даже был заключен в оковы, а в дальнейшем парфяне соблюдали довольно строгий нейтралитет, не пытаясь воспользоваться ослаблением римского контроля над восточными провинциями, то в 45 г.¹ настало время для вооруженного вмешательства. В конце 45 г. значительные силы парфянской конницы во главе с царевичем Пакором, придя на помощь блокированному в Апамее мятежному военачальнику Л. Цецилию Бассу, вторглись в Сирию и нанесли удар по войскам цезарианца Г. Антистия Вета. Блокада была прорвана, а войска Вета понесли большие потери. Интересны два момента: во-первых, хотя мы ничего не знаем об условиях, на которых парфяне оказали помощь Бассу, нет никаких признаков того, что они пытались как-то укрепиться в Сирии, что, как будто, не очень вяжется с их стремлением подчинить себе эту римскую провинцию. Во-вторых, любопытно, что вторжение возглавлял Пакор – фигура, несомненно, знаковая, с которой были связаны воспоминания о предыдущем вторжении в Сирию в 51–50 гг.² Таким образом, на передний план вновь выдвинулась группировка, настроенная на проведение активной политики по отношению к римским владениям.

Каково бы ни было влияние вооруженного вмешательства парфян в римскую гражданскую войну на планы Цезаря, и каковы бы ни были сами эти планы³, оставить откровенно враждебные действия без ответа было невозможно. Поэтому со смертью диктатора идея войны с

¹ Здесь и далее даты до н.э.

² Об этом вторжении см.: *Бокшанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. С. 60 сл.; *Смыков Е.В.* После Карр: римско-парфянское противостояние в Сирии в 53–50 гг. до н.э. // Из истории античного общества. Н. Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 312–322.

³ О парфянских планах Цезаря см.: *Егоров А.Б.* Последние планы Цезаря (к проблеме римского глобализма) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2006. Вып. 5. С. 77–94; *Malitz J.* Caesars Partherkrieg // *Historia*. 1984. Bd. 33. Ht. 1. S. 21–59.

парфянами отнюдь не погибла – ее должен был вести Гн. Корнелий Долабелла, консул-суффект 44 г., получивший Сирию в качестве провинции на 43 г. Этот факт упоминает только Аппиан, но упоминает неоднократно. Прежде всего, он рассказывает, что Антоний подговорил Долабеллу помогать, чтобы ему вместо Кассия передали Сирию и собранное против парфян войско. Когда сенат обвинил его в том, что он изменил постановление Цезаря, он ответил, что парфянской войны Цезарь никому не завещал (App. BC. III.7.23–24). После того, как Долабелле удалось добиться своего, Аппиан констатирует: «Таким образом Долабелла сделался правителем Сирии, полководцем в войне против парфян и начальником войск, набранных для этой войны еще Цезарем» (App. BC. III.8.26.)⁴ Наконец, рассказывая о намерении Антония взять под свое командование легионы, находившиеся в Македонии, Аппиан поясняет: «...войска, находившиеся в Македонии считались принадлежавшими Долабелле, раз ему поручена Сирия и поход против парфян; ведь и Цезарь желал ими воспользоваться против парфян» (App. BC. III.24.92).

Итак, александрийский историк упоминает о том, что Долабелле была поручена парфянская война, как о само собой разумеющемся факте. Однако остается вопрос: что под этим подразумевается? На наш взгляд, речь ни в коем случае не может идти о предприятии, равном по размаху тому, которое приписывала Цезарю молва. Дело здесь не только в том, что сам полководец в данном случае был личностью несопоставимо меньшего масштаба в сравнении с великим диктатором, и даже не в том, что никаких мер, связанных с подготовкой такого похода, Долабеллой предпринято не было. Стоит обратить внимание на то, как по-разному реагировало общественное мнение в Риме на парфянские планы Цезаря и на поручение Долабелле вести войну с парфянами. Отношение к планам Цезаря было довольно настороженное⁵ – достаточно вспомнить слухи о том, что Сивилины книги предсказывают победу над парфянами только царю, и о намерении Цезаря принять этот ненавистный римлянам титул, то ли после похода, то ли накануне выступления в поход, на ближайшем заседании сената, где предложение об этом должен внести Л. Котта (Plut. Caes. 58; 60; App. BC. II.110.459–461; Suet. Caes. 44.3, 79.3)⁶. В про-

⁴ Пер. О.О. Крюгера.

⁵ Правда, Дион Кассий говорит о всеобщем желании в Риме отомстить за гибель Красса и его воинов и о том, что все считали возможным именно теперь одержать победу над парфянами (Dio Cass. XLIII.51.1). Какие реальные основания имеет это сообщение, судить сложно. Во всяком случае, тревог, связанных с предполагаемой попыткой Цезаря получить царский титул, оно не отменяет – они хорошо засвидетельствованы источниками.

⁶ О настроениях в Риме и общем недовольстве см.: Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Кн. 1. С. 445–446. Ю. Малиц считает, что массового недовольства в Риме и Италии все-таки не было – в дошедшей до нас традиции, в том числе, в «Филиппиках» Цицерона, не содержится никаких упреков в адрес Цезаря, относящихся к его парфянским планам (Malitz J. Op. cit. S. 35, 47 f.).

тивоположность этому, назначение Долабеллы прошло без осложнений – во всяком случае, никаких зловещих пророчеств, связанных с принятием им на себя командования в парфянской войне, Аппиан не упоминает. Вероятно, это связано с тем, что к этому моменту войну уже можно было считать начавшейся, и ее инициаторами выступили именно парфяне. То, что Долабелла, видимо, не имел серьезных намерений вести внешнюю войну и не предпринял никаких действий против парфян, направив свои усилия на борьбу с согражданами, принадлежавшими к враждебной партии – это вопрос уже совсем иного плана.

Учитывая то, что с Цезарем и его наследниками недвусмысленно связывались направленные против Парфии планы, вполне логичным выглядит сотрудничество парфян с их врагами, проявившееся еще в помощи Цецилию Бассу. В дальнейшем какие-то парфянские контингенты присутствовали в войске Г. Кассия во время его борьбы с Долабеллой. Аппиан пишет: «К нему примкнули в качестве союзников (*συνεμάχουσι*) и некоторые из парфянских конных стрелков, так как он пользовался у парфян известным авторитетом с тех пор, как, будучи квестором при Крассе, оказался более благоразумным, чем сам Красс» (App. BC. IV.59.257.)⁷ Присутствие парфян в армии Кассия несомненно – его подтверждает и Дион Кассий, не уточняя, правда, их статуса⁸. Пожалуй, можно допустить, что Аппиан не преувеличивает, говоря об известности Кассия среди парфян; однако, думается, авторитет его основывался не только на том, что он «был более благоразумным, чем сам Красс», но и на его военных дарованиях, проявившихся во время обороны Сирии в 52–51 гг., когда парфяне понесли от него ряд чувствительных поражений.

Вопрос о статусе парфянских отрядов может быть решен лишь предположительно. Рассказывая о событиях, последовавших за взятием Лаодикеи и победой над Долабеллой, Аппиан говорит, что Кассий отправил с почетом парфянских конных стрелков и одновременно направил к царю посольство с просьбой о присылке большего союзного войска (*μείζονα συμμαχίας*) (App. BC. IV.63.271). Из этих слов можно заключить, что и отряды, имевшиеся у Кассия ранее, были не волонтерами, не наемниками, а именно союзниками, которых, правда, было меньше, чем хотелось Кассию. Во всяком случае, трудно представить, что их участие в римской гражданской войне осуществлялось без ведома правительства. Какую-то санкцию царя на службу в армии Кассия парфянские конные стрелки должны были иметь – ведь речь шла о вооруженном участии во внутренних делах государства, отношения с которым были отнюдь не дружественными.

Было ли это посольство тем самым, которое осуществлял Кв. Лабиев? При ответе на этот вопрос следует учесть несколько обстоятельств. Во-первых, единственное указание на время отправле-

⁷ Пер. Е.Г. Кагарова.

⁸ Dio Cass. XLVII.30.3: «ведь Кассию, наряду с другими, пришли на помощь и некоторые парфяне» (*ἄλλοι τε γὰρ τῷ Κασσίῳ καὶ Πάρθοι τινὲς ἐβοήθησαν*).

ния Лабиена в Парфию – это слова Диона Кассия о том, что он был отправлен «перед сражением» (πρὸ τῆς μάχης). Какой промежуток времени здесь подразумевается – непонятно, но Дион сообщает также, что в Парфии Лабиен провел долгое время (συχνὸν ... χρόνον διετρίβη). Таким образом, маловероятно, чтобы он был отправлен непосредственно перед сражением. Во-вторых, кроме посольства, отправленного после победы над Долабеллой, источники не дают ни малейшего намека на какое-то другое посольство. Напротив, запоздалое парфянское вторжение в римские владения Аппиан изображает как присылку именно того большего войска, о котором просил Кассий (App. BC. IV.63.271)⁹.

Можно согласиться с А.Г. Бокщаниным в том, что посольство в Парфию, о котором говорит Аппиан – это посольство Кв. Лабиена¹⁰. Когда оно было отправлено? Г. Ферреро считал, что это произошло после совещания Брута и Кассия в Смирне, т. е. в конце 43 г.¹¹ Как нам кажется, это должно было произойти несколько раньше. Приблизительный расчет времени здесь таков: Лаодикея пала в конце июля¹²; до упоминания об отправлении парфянских стрелков на родину и одновременном с этим направлении римского посольства к царю, Аппиан рассказывает о том, что Кассий двинулся на Египет (App. BC. IV.63.269–270). С другой стороны, до состоявшейся в конце года встречи с Брутом (но уже после отправления посольства!) Кассий успел отправить конный рейд в Каппадокию, получить захваченную там добычу и побывать в Тарсе. Все это должно было занять какое-то время, так что, скорее всего, посольство отправилось к парфянам примерно в конце лета или начале осени 43 г.

Что касается целей посольства, то Аппиан указывает их совершенно недвусмысленно – просьба о присылке большего войска. Поэтому довольно наивно выглядит категоричное заявление Г. Ферреро, считавшего, что речь на переговорах шла о нейтралитете парфян:

⁹ Правда, в данном случае повествование Аппиана вызывает некоторое недоумение. Действительно, о масштабах парфянского вторжения в четвертой и в пятой книгах «Гражданских войн» говорится в одних и тех же выражениях (App. BC. IV.63.271: πολλὰ τῶν ἐγγύς ἐθνῶν μεχρὶ Ἰωνίας ἐπέδραμε; V.65.276: τὰ μεχρὶ τῆς Ἰωνίας ἐπιδράμοντα). Во втором случае речь идет о Лабиене, так что, по-видимому, и первая фраза относится к нему. Однако в первом случае Аппиан говорит о том, что в конце концов парфянское войско возвратилось на родину (ἀνεχώρησεν), между тем вторжение Пакора и Лабиена, как известно, завершилось разгромом их армий. Так как в источниках нет ни малейшего намека на еще одно вторжение парфян в Ионию, до похода Лабиена, следует предположить, что в первом случае Аппиан описывает итог парфянского вторжения ошибочно.

¹⁰ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 82. Прим. 206.

¹¹ Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1998. Кн. 2. С. 136. Подобным же образом, концом 43 – началом 42 г., датирует посольство Лабиена Т.Р.С. Броутон (Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta, 1986. Vol. 2. P. 363).

¹² Broughton T.R.S. Op. cit. P. 364.

«Утверждают, что Кассий просил парфян прийти к нему на помощь, но это, по-видимому, выдумка его врагов. Это настолько невероятно, что я не могу поверить, чтобы Кассий когда-нибудь даже думал об этом»¹³. Как показывают события гражданских войн, получение помощи от парфян не было чем-то экстраординарным, и непонятно, почему Кассий, уже однажды воспользовавшийся услугами парфянских конных стрелков, должен был пренебречь ими на следующем этапе борьбы.

Несмотря на то, что посольство встретило благосклонный прием, переговоры затягивались. Правда, в армии Брута и Кассия во время Филиппийской кампании находились вспомогательные отряды, состоявшие из парфян (Just. XLII.4.7), но численность их не была значительной – 4 тысячи конных стрелков из лука, арабов, мидян и парфян (App. BC. IV.88.373)¹⁴. Если верить Аппиану, Кассий в произнесенной перед воинами речи назвал парфян среди союзников республиканской армии: мы, заявил он, далеко превосходим врагов «по числу союзников – царей и племен вплоть до мидян и парфян» (πολὸν προύχομεν καὶ συμμάχοις βασιλεῦσι τε καὶ ἔθνεσι τοῖς μέχρι Μήδων καὶ Παρθυαίων) (App. BC. IV.99.414). Это заявление, несомненно, имело цель поднять дух воинов перед решающим сражением, и полководец в какой-то мере выдавал желаемое за действительное. Однако присутствие в армии даже небольшого числа парфянских воинов внушало надежду на то, что более значительная помощь все-таки будет оказана. Несмотря на то, что в речи Кассия парфяне называются среди союзников, в статусе находившихся у него отрядов есть определенные сомнения, которые решаются в зависимости от личной позиции исследователей. Так, по мнению Н. Дибвойса и К. Шипманна, эти отряды были предоставлены в качестве официальной помощи¹⁵. А.Г. Бокщанин, наоборот, утверждает, что военной помощи Ород так и не оказал, а отряды были разрозненными группами волонтеров, оставшихся из отрядов, приведенных Пакором на помощь Цецилию Бассу¹⁶. Наконец, А.Н. Шервин-Уайт считает, что эти всадники вообще не были парфянами – ведь Дион Кассий прямо говорит, что при Филиппах не было никаких восточных союзников за исключением Дейотара (Dio Cass. XLVII.48.2). С его точки зрения, конные лучники, возможно, бы-

¹³ Ферреро Г. Указ. соч. Кн. 2. С. 136. Прим. 7.

¹⁴ А.Г. Бокщанин пишет о парфянах в армии Брута и Кассия, приводя соответствующую цитату из труда Аппиана с упоминанием 2 тыс. конников – фракийцев, иллирийцев, парфян и фессалийцев в армии Брута (Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 83. Прим. 209). Однако он при этом основывается на ошибке, допущенной в русском переводе «Гражданских войн»: у Аппиана здесь названы не парфяне (Παρθηναῖοι), а парфины (Παρθηνοί), одно из иллирийских племен (Strabo. VII.7.8. С 326).

¹⁵ Debevoise N.C. A political history of Parthia. Chicago, 1938. P. 107–108; Schippmann K. Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980. S. 41.

¹⁶ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 83.

ли присланы Алхаудонием или царем Коммагены, т. е. династами, которые в гражданской войне стояли на стороне республиканцев¹⁷.

Конечно, окончательный ответ на вопрос о том, на каких началах находились эти конники в армии Кассия и кем они были, невозможен в силу недостаточности информации. Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что источники ничего не говорят о присутствии в войске Цецилия Басса каких-то парфян; оказав ему помощь, Пакор ушел восвояси, так что о парфянских волонтерах, оставшихся на территории римской провинции говорить вряд ли приходится. Не вполне логичен и А.Н. Шервин-Уайт: если принимать, что восточные союзники в битве при Филиппах не участвовали, то какие основания заменять в сообщении Аппиана парфян на Алхаудония и царя Коммагены? Таким образом, вероятно, сообщение Аппиана выглядит наиболее правдоподобным, если его принимать без каких-либо изменений, признавая парфян контингентами союзных вспомогательных войск.

Остается вопрос о том, почему Ород так и не оказал более масштабной помощи республиканцам. А.Г. Бокщанин усматривает в этом целую политическую концепцию: «Руководствуясь собственными интересами, правитель Парфянской державы считал более выгодным для себя вмешаться в гражданскую войну римско-средиземноморских рабовладельцев лишь после того, как обе враждующие в борьбе за власть группы взаимно обессилят друг друга. Тогда становилось возможным восстановление в полном объеме древних границ персидской державы, т.е. завершение внешнеполитической программы, намеченной предшествующими представителями державы Аршакидов»¹⁸. С этим объяснением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, агрессивную составляющую парфянской внешней политики на Западе недооценивать не следует. Уже со II в. до н.э., с того времени как Аршакиды сумели добиться объединения иранских народов, освобожденных из-под власти Селевкидов, целью внешней политики Парфии были, говоря словами Тацита, *“veteres Persarum termini”* (Тас. *Ann.* VI.31)¹⁹. В этом смысле, безусловно, ослабление великого западного соседа отвечало имперским планам парфянских царей. При этом, однако, стоит обратить внимание на тот факт, что парфянское вторжение началось не в самый благоприятный момент. В 43–42 гг. все римские силы, как с той, так и с другой стороны были стянуты на

¹⁷ *Sherwin-White A. N. Roman Foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984. P. 302. Not. 13.*

¹⁸ *Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 83–85.*

¹⁹ На агрессивность парфянской политики на Западе неоднократно обращал внимание Й. Вольский. См.: *Wolski J. Les Achéménides et les Arsacides. Contribution à l'histoire de la formation des traditions iranniennes // Syria. 1966. T. 43. P. 73 f.; idem. Iran und Rom. Versuch einer historischen Wertung der gegenseitigen Beziehungen // ANRW.1976. Tl. 2. Bd. 9.1. S. 202 f.* В одной из своих статей Й. Вольский характеризует план восстановления ахеменидской державы как *«le plan grandiose des Arsakides»* (*Wolski J. La politique imperialiste de Rome à l'égard de l'Iran. Ses formes et ses effets // Antiquitas. Wrocław, 1993. T. 18. P. 227.*)

Балканский полуостров, мощь Рима была расколота гражданской войной, а восточные провинции оставались практически беззащитными и, фактически, брошенными на произвол судьбы. Тем не менее, парфянское вторжение началось не в этих благоприятных условиях, а года полтора–два спустя, когда Антоний уже осуществил первые мероприятия по реорганизации восточных провинций.

Поэтому, как мне кажется, отсутствие более значительных парфянских сил при Филиппах невозможно объяснить только соображениями глобального геополитического характера. Самое простое и самое естественное толкование здесь – это признание того, что театр военных действий находился слишком далеко от Парфии и переброска туда больших масс войск, при всем желании, была бы очень трудной. Это было необходимо учитывать; в противном случае действия парфян смахивали бы на авантюру, но в чрезмерном авантюризме политику парфянских царей обвинить невозможно²⁰.

Как бы то ни было, участие парфянских подразделений в битве при Филиппах недвусмысленно ставило «великого царя» в положение врага римлян, и не считаться с этим победители-триумвиры не могли. Поэтому вполне естественным было, что при распределении первоочередных задач (а отнюдь не сфер влияния, как зачастую считают исследователи!²¹) между Антонием и Октавианом после битвы при Филиппах Антоний как более опытный полководец получил восточные провинции, где в ближайшее время была возможна парфянская агрессия²². Надо признать, что, несмотря на эксцентричность своего поведения, он успешно справился с теми сложными задачами, которые перед ним стояли. На протяжении 41–40 гг. им была проведена огромная работа по сбору денег для выплаты жалования войскам и наведению порядка в восточных провинциях Рима²³. Однако его энергичные мероприятия неизбежно должны были привести к конфликту с парфянами.

²⁰ Кстати, ничего невероятного нет и в том, что присылка более многочисленной помощи на Балканы вообще не предполагалась – вряд ли использование там парфянской конницы могло быть очень эффективным. О слабых местах парфянской армии см., напр.: *Энглим С. и др.* Войны и сражения Древнего мира. М., 2004. С. 119.

²¹ Примеров здесь огромное количество, поэтому *exempli gratia* приведем лишь несколько наименований работ, вышедших в разное время и в разных странах: *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 85; *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 80; *Holmes T.R.* The Architect of the Roman Empire. Oxf., 1928. Vol. 1. P. 90; *Smethurst S.E.* Marc Antony – reluctant politician // Thought from the Learned Societies of Canada. Toronto, 1960. P. 160.

²² Этот взгляд подробно разработан в статье: *Wallmann P.* Das Abkommen von Philippi: ein Diktat des Antonius? // *Symbolae Osloensis.* 1976. Bd. 51. S. 121–129.

²³ См. об этих мероприятиях, например: *Graven L.* Antony's oriental policy until the defeat of the Parthian expedition. Columbia, 1920. P. 20–37; *Huzar E.G.* Mark Antony. A Biography. Minneapolis, 1978. P. 149–153.

К сожалению, наша информация об этом крайне скудна. О событиях в соседней с Парфией Сирии рассказывает только Аппиан, да и то в самых общих чертах. «После смерти Гая Цезаря и последовавшей за нею смуты города управлялись тиранами, так как им содействовали парфяне; ведь после постигшего Красса несчастья парфяне вторглись в Сирию и там оказали тиранам содействие» (App. BC. V.10.41.²⁴). Эта картина вызывает некоторое недоумение. Действительно, кто такие эти тираны, упоминаемые в источнике? Какие города в данном случае подразумеваются? Да и вообще, как согласовать эту информацию с тем, что мы знаем о ситуации в Сирии после поражения Красса? Ведь нам неизвестен ни один город, который бы в это время впустил к себе парфян, да и о существовании в сирийских городах тиранических режимах из других источников мы не знаем ничего. В принципе, ничего невероятного в этом сообщении нет; его принимает, например, Н. Дибвойс, который в общем виде пишет о том, что эти пропарфянские тираны установили свою власть в сирийских городах, когда римский контроль в провинции ослаб²⁵. Другое дело, что вряд ли таких тиранов было много, как это утверждает Аппиан (BC. V.10.39).

Согласно Аппиану, этих тиранов Антоний изгнал, и они бежали в Парфию (V.10.39, 42). Если верить его рассказу, последней каплей, переполнившей чашу терпения парфянского царя, был рейд римской конницы на богатый торговый город Пальмиру²⁶. Формальным предлогом было то, что пальмирские купцы «ловко вели дела» как с римлянами, так и с парфянами (ἐφόροι ἐς ἐκατέρους ἐπιδειξίως εἶχον) (V.9.37). Надуманность этой мотивировки бросается в глаза – Аппиан подчеркивает, что набег носил чисто грабительский характер (V.9.38), что и неудивительно в условиях нехватки у триумвиров денег для расчета с легионами²⁷. Послужил ли поход на Пальмиру причиной войны? Аппиан утверждает, что да: «И кажется, что именно это деяние (τόδε τὸ ἔργον) немного времени спустя возбудило войну Антония с парфянами, так как у них искали убежище многие из сирийских тиранов» (V.10.39).

²⁴ Пер. Т.Н. Книпович с изменениями.

²⁵ *Debevoise N.C.* Op. cit. P. 108. Дион Кассий в общем виде упоминает о том, что парфяне проявляли активность еще до похода Пакора и Лабiena (Dio Cass. XLVIII.24.3: οἱ Πάρθοι καὶ πρὶν κλιούμενοι...), так что одной из форм этой активности могла быть и поддержка дружественных режимов в сирийских городах.

²⁶ О пальмирской торговле см.: *Шифман И.Ш.* Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н.э.). М., 1977. С. 100 слл.; *Новиков С.В.* Юго-Западный Иран в античное время. М., 1989. С. 104 сл.; *Choisnel E.* Les Parthes et la Route de la Soie. L'Harmattan, 2004. P. 93 ff.

²⁷ Между прочим, рассказ Аппиана об этом рейде – это вообще первое упоминание Пальмиры античными авторами (*Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М., 1985. С. 71).

Однако такое толкование является слишком простым. Никакого повода для войны поход на Пальмиру не давал. Хотя при приближении римской конницы жители Пальмиры со своими богатствами переправились на парфянский берег Евфрата и приготовились оказать сопротивление, римляне не сделали ни малейшей попытки вступить с ними в бой, а просто ушли восвояси, не захватив никакой добычи (App. BC. V.9.38). Поэтому вряд ли можно считать, что действия Антония были частью какого-то масштабного плана. Застав Пальмиру покинутой жителями, римляне даже не попытались закрепиться там, а просто повернули обратно²⁸.

Так что же все-таки послужило причиной того, что парфяне решились на вторжение на территорию римских провинций? К сожалению, точный и однозначный ответ здесь вряд ли возможен. Все факторы, о которых нам говорят источники (изгнание из Сирии пропарфянских тиранов, рейд на Пальмиру, подстрекательство со стороны Кв. Лабиена), могли служить причинами – но они не позволяют ответить на вопрос, почему интервенция произошла именно в тот момент. Пожалуй, с некоторой корректировкой можно согласиться с интерпретацией событий, которую дает А.Г. Бокщанин. По его мнению, «после нападения Антония на Пальмиру у руководителей Парфянской державы уже не могло быть сомнений о характере планов руководителя внешней политики Рима к дальнейшему развитию римско-парфянских отношений»²⁹. Как было показано выше, поход на Пальмиру сам по себе вряд ли мог вызвать у парфянского царя беспокойство; куда опаснее выглядел курс на консолидацию римских владений на Востоке и наведение порядка в местных делах, которые пришли в полное расстройство за время гражданской войны. Если с помпеянами, а затем с Брутом и Кассием, еще можно было вести переговоры, то действия Антония не оставляли никаких сомнений в достаточно жестком характере той политики, которую он будет проводить. К этим общим соображениям добавился удобный момент – переброска Антонием значительной части войск на запад, где началась неизбежная борьба с Октавианом³⁰. Таким образом, в конце 41 или начале 40 г. «парфянский шторм», которого никто не ожидал, обрушился на римские провинции.

²⁸ Пожалуй, дальше всех в фантазиях по поводу этого похода пошел А.Г. Бокщанин. Его изложение событий выглядит следующим образом: Антоний «пытался овладеть важнейшим узлом дорог через сирийскую пустыню к долине реки Евфрата – городом Пальмирой. Пытаясь захватить этот... важнейший стратегический пункт, Антоний отправил в Пальмиру отряд конницы. Но захватить ее внезапным налетом не удалось. Пальмирцы были предупреждены. Они хорошо подготовились к обороне и римская конница была вынуждена отступить» (Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 87–89). Сам стиль рассказа создает здесь ложное впечатление того, что имело место боевое столкновение, в результате которого римляне потерпели неудачу.

²⁹ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 89.

³⁰ Там же. На слабость и деморализованность римских войск указывал Ороду и Лабиен, убеждая того начать войну (Dio Cass. XLVIII.24.7).

Само это вторжение достаточно подробно описано Дионом Кассием. Парфянская армия, переправившись через Евфрат, вторглась в Сирию, которая оказалась практически беззащитной. А. Децидий Сакса, оставленный здесь Антонием, попытался оказать сопротивление, но потерпел поражение, бежал, но был настигнут и убит. Практически вся римская провинция оказалась под контролем армии Пакура – не впустил парфян и оказал сопротивление только расположенный на острове и потому недоступный для их конницы Тир. В целом отношение населения к пришедшей с востока армии было благожелательным, что не в последнюю очередь объясняется личными качествами Пакура. По словам Диона Кассия, в Сирии «Пакура любили чрезвычайно, не меньше, чем величайших из когда-либо правивших царей, за его справедливость и снисходительность» (Dio Cass. XLIX.20.4).

Отличие этого похода Пакура от его вторжения, последовавшего за походом Красса, состояло не только в том, что на этот раз ему удалось захватить сирийские города, но и в том, что, видимо, он намеревался утвердить парфянскую власть в Сирии всерьез и надолго. Любопытным свидетельством в пользу этого являются изменения, имевшие место в монетной чеканке Антиохии на Оронте. Ко времени парфянской оккупации относится исчезновение из легенды слова ΑΥΤΟΝΟΜΟΣ и изменение эры с цезарианской на селевкидскую, принятую в парфянской монетной чеканке. Кроме того, позади головы Зевса появляется изображение пальмовой ветви – символ одержанной парфянами победы³¹. Правда, в легендах сохранились слова ΓΕΡΑΣ ΚΑΙ ΑΣΥΛΟΣ, но, как подчеркивает Г. Дауни, «очевидно, парфяне не хотели позволить столице бывшей римской провинции даже именоваться автономной, хотя они, очевидно, не имели возражений против политически менее значимых эпитетов “священная и неприкосновенная”»³².

После захвата Сирии силы парфян разделились. Сам Пакур двинулся на юг – в Палестину; Лабиев через Киликию начал наступление в провинцию Азия. Пожалуй, самое странное в истории этого парфянского вторжения – это то, сколь мало уделялось внимания обороне провинций от внешней угрозы, или, может быть, насколько эту угрозу недооценивали. Если в Сирии находились хоть какие-то войска, то Азия оставалась практически беззащитной³³. Создается впечатление, что никто даже не думал о возможном появлении врага в ее пределах. Ее наместник Мунаций Планк не смог оказать сопротивления – у него

³¹ *Newell E.T.* Pre-Imperial Coinage of Roman Antioch // *Numismatic Chronicle*. 1919. Ser. 4. Vol. 19. P. 96 ff.

³² *Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 160.

³³ Видимо, регулярных войск в ней не было или почти не было. Как показал П. Брант, в это время у Антония на Востоке просто не было в распоряжении легионов, кроме тех, которые находились в Македонии (см.: *Brunt P.A.* Italian Manpower. 225 B.C. – A.D. 14. Oxf., 1971. P. 491, 497).

было явно недостаточно сил для того, чтобы эффективно вести борьбу с неприятельской армией³⁴. Несмотря на это Лабиев встретил в Азии довольно сильное сопротивление со стороны местного эллинизированного населения, причем его центрами были как города, имевшие привилегированный статус, так и те, которые такого статуса не имели³⁵. В некоторой степени это повторяло ситуацию времени первой Митридатовой войны, когда понтийцы тоже наткнулись на сопротивление ряда эллинских городов³⁶. В любом случае, это сопротивление было подавлено и Азия оказалась под контролем Лабиева и пришедших с ним парфянских войск.

Возникает вопрос: как оценивать поведение Лабиева и каков был его статус в парфянском войске? А.Г. Бокщанин, опираясь на сообщение Плутарха, утверждает, что Ород «назначил его сатрапом Месопотамии, т.е. командующим войсками в войне с Римом»³⁷. Эта трактовка вряд ли соответствует действительности – она сразу же вызывает вопрос: как Лабиев мог быть командующим войсками, если

³⁴ В данном случае не вполне ясно, какой именно Мунаций Планк имеется в виду, поскольку Дион Кассий не называет его личного имени. Как правило, считают, что это был Л. Мунаций Планк, консул 42 г. (см., напр.: *Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 91*). Однако несколько ранее Дион упоминает о его назначении наместником Азии до отправления Антония в Египет, т.е. осенью 41 г. (Dio Cass. XLVIII.24.3). Как отметил еще П. Греббе, это не мог быть Л. Мунаций Планк, поскольку в это время он принимал активное участие в Перузинской войне, и, следовательно, либо источник ошибочно называет время его назначения на должность, либо это был другой представитель семейства Планков (*Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms in seinem Ubergange von republicanischen zur monarchischen Verfassung. Leipzig, 1910. Bd. 4. S. 226. Anm. 5*). Д. Маги склоняется к первой версии, считая, что, поскольку Л. Планк прибыл к Антонию после того, как в конце февраля 40 г. пала Перузия (Vell. II.76.2; App. BC. V.50.211), и отбыл с ним в Италию летом того же года, он мог занимать должность проконсула Азии в этот небольшой промежуток времени (*Magie D. Roman Rule in the Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 2. P. 1280. Not. 9*). Это предположение грешит некоторой искусственностью – если Антоний отбыл из Египта в то время, когда нашествие уже началось, то для наместничества Планка остается совсем немного времени. Да и само по себе предположение о том, что перед лицом парфянской угрозы Антоний направил в провинцию одного только наместника, не снабдив его войсками, не кажется правдоподобным.

³⁵ *Bernhardt R. Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.). Berlin; N. Y., 1985. S. 119.*

³⁶ Традиционно считается, что Митридата как освободителя от римского гнета встречало всеобщее ликование – такое впечатление создают рассказы наших источников. Однако конкретные исследования показали, что триумфального шествия у понтийского царя не получилось и сопротивление ему было достаточно значительным. См.: *Bernhardt R. Op. cit. S. 57 ff.*; *Смыков Е.В. Митридат и эллины (к вопросу о позиции греческих полисов во время первой Митридатовой войны) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X международной научной конференции (29 мая–3 июня 2001 г.). Ростов-на-Дону, 2002. С. 109–111.*

³⁷ *Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 90.*

при армии находился Пакор, сын и соправитель Орода? Что касается назначения Лабиена сатрапом Месопотамии, то оно еще менее вероятно. Фразу Плутарха αἰρωμένους δὲ Παρθικῆς στρατῆος περὶ τὴν Μεσοποταμίαν, ἧς Λαβιητῶν οἱ βασιλέως στρατηγοὶ Παρθικὸν ἀναγορεύσαντες αὐτοκράτορα Συρίας ἐπιβατεύσειν ἔμελλον (*Ant.* 28.1) С.П. Маркиш переводит следующим образом «парфянское войско действовало в Месопотамии, и полководца царя уже объявили Лабиена парфянским наместником этой страны и готовились захватить Сирию» (пер. С.П. Маркиша). Однако в этом случае возникает ряд смысловых трудностей. Если даже не учитывать того, что слово αὐτοκράτωρ не имеет и не может иметь значения «наместник»³⁸, то назначение сатрапов в области Парфянской империи оставалось все-таки прерогативой Великого царя, а не его полководцев. Таким образом, Плутарх, вероятно, сам не вполне понимал смысл сообщаемой им информации³⁹.

О целях Лабиена мы ничего не знаем. Вероятнее всего, об аннексии парфянами всех завоеванных территорий речь идти не могла⁴⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что римский изгнанник получил немалую свободу действий и свою сферу ведения боевых действий, четко отграниченную от той, где действовал Пакор с парфянами⁴¹. По-видимому, Сирия должна была остаться за парфянами, а Лабием с перешедшими на его сторону римскими солдатами сирийских гарнизонов и при поддержке парфян должен был вырвать Азию из-под власти триумвиров. В чьих интересах это должно было случиться – сказать трудно; во всяком случае, вряд ли все бывшие республиканцы смирились с поражением при Филиппах. Их естественным лидером в таком случае мог оказаться Секст Помпей, располагавший в то время немалыми силами, и к тому же являвшийся сыном человека, хорошо известного парфянам⁴².

Здесь невольно вспоминается исторический прецедент – переговоры Сертория с Митридатом. При всех дискуссионных вопросах, связанных с ними, большинство исследователей согласны в том, что знаменитый мятежник, признав права Митридата на Вифинию и другие спорные территории, сохранил римский контроль над Азией, куда в начале третьей войны с Митридатом вступил его представитель М. Марий с инсигниями римского наместника⁴³. Подобно Марию, Ла-

³⁸ См. LSJ, s.v.: αὐτοκράτωρ ... *one's own master*... 3. of rulers, *absolute*.

³⁹ Wallmann P. *Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur Politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat (43–30 v. Chr.)*. Frankfurt am Main; Bern; New York; P., 1996. S. 233.

⁴⁰ Ziegler K.H. *Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Volkerrechts*. Wiesbaden, 1964. S. 35.

⁴¹ Wallmann P. *Op. cit.* S. 230.

⁴² Согласно сообщению Аппиана, Секст вел переговоры с парфянами после своего поражения, «надеясь, что на будущее время, в случае войны с Антонием, они охотно примут к себе римского полководца, в особенности сына Помпея Великого» (App. *BC*. V.133.554. Пер. А.И. Тюменева).

⁴³ См. об этом (с указанием источников и более ранней литературы): Гельцер М. Уступил ли Серторий Митридату провинцию Азия? // *Studia his-*

биен был послан «альтернативными» носителями власти для переговоров, и, подобно ему, пережил гибель своих вождей, находясь на чужбине; в дальнейшем сходным образом и Марий, и Лабие участвуют во вторжении вражеских войск на римскую территорию. Однако сходство это чисто внешнее – действия Лабиена и Мария имели различные основания.

Прежде всего, если инсигнии Мария указывали на его римский статус, а Митридат демонстративно подчеркивал свое уважение к этому статусу, ничего подобного о Лабие и парфянах сказать невозможно. Правда, в нашем распоряжении имеется отчеканенная Лабием монета с легендой Q LABIENUS PARTHICUS IMP, а также сообщения ряда авторов о принятии им этих титулов. Все это, как будто, указывает на его императорскую аккламацию, т. е. использование им римской политической традиции. Однако однозначный ответ на вопрос о том, какой смысл имеет эта легенда невозможен – она была непонятна уже в древности (или, возможно, двусмысленность в ней была заложена сознательно). Все зависит от того, понимать ли ее как «Кв. Лабие Парфянский, император» или как «Кв. Лабие, парфянский император». В последнем смысле ее понимали Страбон и Плутарх (или их источники). Так, Страбон передает слова ритора Гибрея, организовавшего сопротивление парфянам в Миласе: «Когда Лабие провозгласил себя парфянским императором, Гибрея сказал: “И хорошо, а я тоже провозглашаю себя карийским императором!”» (Strab. XIV.2.24. С 660). Что касается Плутарха, о словах которого уже шла речь ранее, то, если верить его рассказу, звание «Парфянский император» было дано Лабие царскими полководцами еще до вторжения в Сирию. С другой стороны, Дион Кассий отделяет титулы Лабиена друг от друга; по его словам, «он называл себя императором, и даже – совершенно вопреки римскому обычаю! – Парфянским»⁴⁴.

Интерпретация Страбона и Плутарха была принята рядом современных исследователей. Так, Ф. Мюнцер отмечает, что Дион допускает анахронизм – прозвище «Парфянский» приобрело триумфальный смысл только после побед Траяна, и Лабие явно употребляет его не в качестве когномена⁴⁵. Этот взгляд имеет широкое распространение в литературе⁴⁶. Развивая его, А.Г. Бокщанин, например, пишет: «...В

torica. М., 2003. Вып. 3. С. 83–90; *Гурин И.Г.* Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период Гражданских войн. Самара, 2001. С. 217–222; *Короленков А.В.* Квинт Серторий: Политическая биография. СПб., 2003. С. 227–231, 262–264.

⁴⁴ Dio Cass. XLVIII.26.5: αὐτοκράτορά τε αὐτὸν καὶ Παρθικὸν γε ἐκ τοῦ ἐναντιωτάτου τοῖς Ῥωμαίοις ἔθνους ὠνόμαζεν. Противоположность римскому обычаю видимо, заключается в данном случае в том, что он принял прозвище «Парфянский», хотя имена такого рода давались обычно за победу над врагами, а не за службу им.

⁴⁵ *Münzer F.* Q. Labienus // RE. 1924. Hbd. 23. Sp. 259.

⁴⁶ См., напр.: *Drumann W, Groebe P.* Op. cit. Bd. 1. S. 318; *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1896. Tl. 1. Bd. 1. S. 224; *Bengtson H.* Zum Partherfeldzug des Antonius. München, 1974. S. 16; *Magie D.* Op. cit. Vol. 1.

данном случае этот титул звучал сатирически – “*Imperator Parthicus*”, так как был дан не римлянами за победу над противником, а был присвоен союзником противников римлян за победу над ними самими»⁴⁷. Однако сторонники этого взгляда не учитывают, что подобные когномены отнюдь не всегда были связаны с победой над врагом. Примером может служить знаменитый друг Цицерона, прозванный Аттиком по совершенно иным причинам⁴⁸.

Таким образом, вероятность того, что на монете следует читать «Кв. Лабие Парфянский, император», представляется гораздо большей⁴⁹. Действительно, поскольку выпуск монет был рассчитан на римских солдат, перешедших на сторону Лабиена (или тех, которых он рассчитывал переманить к себе), было бы странным акцентирование внимания на том, что теперь он уже является «парфянским полководцем»⁵⁰. Следовательно, если когномен «Парфянский» означает «друг парфян» или что-либо подобное, остается объяснить титул «император». Конечно, Лабиена не могли наделить им парфяне – он был чужд их политической практике и не представлял для них значения. Однако это могли сделать солдаты сирийских гарнизонов, составившие его армию⁵¹. Правда, в таком случае титул был получен за победу над согражданами, но к тому времени это уже перестало кого-либо смущать⁵².

Итак, к бедствиям полыхавшей уже около десятилетия гражданской войны и внутреннему хаосу прибавилось еще внешнеполитическая катастрофа – фактическое возвращение владений Рима на Востоке к тем границам, которые он имел там к 133 г. до н.э. Однако случившееся, как кажется, имело и положительную сторону: ни Антония, ни его коллег-соперников по триумvirату, разумеется, не устраивало такое развитие событий. Необходимость борьбы с парфянами была одним из тех факторов (разумеется, не единственным, и, может быть, не самым важным – но все-таки весьма существенным!), которые способствовали достижению очередного временного компромисса между ними.

P. 431; *Tarn W.W., Charlesworth M.P. The Triumvirs // САН. 1934. Vol. X. P. 47; Huzar E.G. Op. cit. P. 173; Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 215.*

⁴⁷ Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 92.

⁴⁸ *Wallmann P. Op. cit. S. 233. Anm. 84.*

⁴⁹ *Grueber H.A. Coins of the Roman republic in the British Museum. L., 1970. Vol. 2. P. 500; Crawford M. Roman Republican coinage. Cambr., 1974. Vol. 1. P. 529.*

⁵⁰ *Plutarch. Life of Antony / Ed. by C.B.R. Pelling. Cambr., 1988. P. 194.*

⁵¹ *Wallmann P. Op. cit. S. 233.*

⁵² Так, например, в 42 г. императорскую аккламацию получил республиканец Гн. Домиций Агенобарб за поражение, которое он нанес Гн. Домицию Кальвину в день первой битвы при Филиппах. См.: *App. BC. IV.115 f.; Grueber H.A. Op. cit. P. 488.*